

МАТЕРИНСКАЯ ТРОПА

Вот пройдет два года, приеду
домой и, наверное, мама, останусь
дома. Не знаю, почему-то так ре-
шил...

Из письма Александра Илюшина

Веселый, общительный, доверчивый, Саша умел со всеми ладить. Младшие ребята к нему прямо липли. Никогда не обижал девчонок. Был приветлив со всеми и почтителен к старшим. Любил свою семью. Понравились сестре Сашины модные джинсы, предмет его давних мечтаний, — расстался с ними без колебаний.

Про умерших говорят только хорошее или ничего — это непреложное жизненное правило к Саше Илюшину не относится. Никто в селе не скажет, что кому-то он сделал плохое. В родном селе Колкач все запомнили Сашу именно таким.

Вернувшись из школы, он сбрасывал пальто — и за уроки. И ведь не сядет за стол обедать, пока все не выучит. Такой уж у него характер: что потруднее — делать в первую очередь. И ни минутки у него свободной, все при каком-нибудь занятии. Он легко запоминал песни, обладал хорошим голосом и охотно участвовал в школьной самодеятельности. В детстве особенно любил песню про юного барабанщика. Повзрослев, все чаще стал напевать: “Не плачь, девчонка! Пройдут дожди...” Научился играть на гитаре, любил поплясать в праздники и вообще умел быть душой компании. Маму свою любил веселой. Бывало, заиграет “Вологду” и командует: “Ну-ка, мама, пой!” А если Зоя Алексеевна начнет отмахиваться, мол, уж годы не те, обижался: “Нет, мамочка, ты не старая, я не хочу, чтобы ты старела!”

Чего не любил Саша, так это ныть, плакаться в жилетку. Он был открытым и прямодушным, всеми нехитрыми мальчишескими секретами делился с матерью, но жалоб она никогда от него не слышала. Уже будучи студентом Молочного института, упал с мотоцикла так, что

шлем вдребезги разлетелся, но знала об этом только сестра. Травмы сказались, когда работал в стройотряде; голова и спина болели так, что даже друзья заметили, но он не бросил работу. Это было как раз перед призывом в армию, можно было отсрочить его на полгода по состоянию здоровья, но Саша скрыл недомогание от медкомиссии.

Единственное, что огорчило Зою Алексеевну в сыне, — он рано начал курить, класса с девятого. Она пыталась ругать его, грозилась сказать отцу.

— Папа меня поймет, — возразил он.

И верно, Юрий Модестович отнесся к поступку сына по-житейски мудро:

— Чего строишь? — сказал он жене. — Будет тайком курить — еще хуже, окурков заронит.

Больше к этой теме в семье не возвращались.

Перед армией Саша закончил в Белозерске курсы шоферов. В день призыва был сдержан. Прощался, по-мужски серьезно наказывая отцу: “Живите с мамой дружно, береги ее, не обижай”. И потом в каждом из немногих писем, которые успел прислать из Афгана, делал неперемennую приписку: “Береги, мама, себя”. Он очень любил мать, знал, что у нее слабое здоровье, и как мог оберегал ее даже издалека.

— Как взяли его, я все плакала, — рассказывает Зоя Алексеевна.

Тревожно было на материнском сердце. Немного успокоения принесла короткая весточка из Выборга. “Чтобы знали, где я”, — писал Саша из воинской части. А потом новая весточка, уже из Туркменистана. И опять заныло у Зои Алексеевны сердце: такая даль, что и на присяге у сына не побывать.

В первом письме из Афганистана Саша ни словечком не обмолвился о месте службы, но чуткое сердце матери замерло в страшной догадке: “оттуда”. Даже про себя Зоя Алексеевна не смела выговорить это жутковатое слово — Афганистан. А Саша писал, что служба проходит нормально, “...трудности, если и будут, то мой долг — справиться с ними”.

Каждое письмо его пронизано нежностью и заботой о семье, о друзьях. “Как там учится Николай? — спрашивал он о брате. — Наверное, опять нахватал двоек? Вот приеду из армии, покажу ему, где раки зимуют...”

Но не суждено было Саше вернуться домой живым.

26 февраля 1984 года четыре душманские пули подстерегли его на чужой земле.

Накануне было 8 Марта, но Зоя Алексеевна в гости не пошла и к себе никого не приглашала. Болела. Не первый день ей нездоровилось, томилось сердце в неясном предчувствии, все вспоминала сына. Но плохих мыслей не держала в голове, уж больно светлые, обнадеживающие писал он письма. А в сельском Совете уже все знали, но не спешили со страшным известием, все-таки праздник. Решились только на другое утро: “Крепись, Зоя...” К дому уже подъезжал катафалк. И еще не осознав услышанного, Зоя Алексеевна шестым чувством поняла: случилось непоправимое.

Последующие дни она почти не помнит, хорошо, что рядом все время были люди. Первое время часто заходили, заезжали к ней Сашины друзья, одноклассники. Вместе ходили на кладбище, подолгу молча стояли у могилы. Потом эти визиты стали все реже и реже, и Зоя Алексеевна не обижалась, понимая, что жизнь берет свое и у ребят свои заботы. Никогда не зарастет к дорогой могиле лишь материнская тропа...

Т. Погодина